

ПАРНИ С НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Даниил ГРАНИН

Фото М. Трахмана, В. Кудрякова,
Центрального архива
кинофотофондоотдела СССР
и Музея Кировского завода

Сергей Миронович Киров выступает на заводе

1917 год. Красногвардейский отряд путиловцев у Смольного

ЗАВОД был как завод, ничего особенного, только большой. Цех наш вспомогательный, помещался в длинном деревянном бараке. Не хватало приборов, навальный мой был сварливым, мороженый, столовая была грязноватой. Победная, мы

1941 год. Народное ополчение Кировского завода

шли и залуку, берег был завален ржавым железом. Мы сидели на теплых от солнца отвалих, курили, смотрели в далекую глубину залуки и мечтали податься отсюда. Так началась моя жизнь на проповеданном Кировском заводе — «Красном путиловце». Было бы неправдой перенести свои нынешние мысли и чувства в ту предвоенную юность. События, конечно, велики — как же, тот самый знаменитый Пушкинский, лучший революционный традиций пионерского пролетариата; цех, где тогда работали еще молодые из тех, кто участвовал в революции девятьсот пятого и в Октябре

1966 год. МОЛОДЫЕ РАБОЧНЕ КИРОВСКОГО ЗАВОДА — ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА

Александр Суханов

Борис Соловьев

Виктор Ерофеев

Вячеслав Владимиров

1942 год. Танки Кировского завода идут на фронт

И те, кто добивался своего, были добрыми. Был сформирован целый полк кировцев. Первый полк первой дивизии народного ополчения. Мы наспех обучались тут же, поближе к заводу. Ночевали в клубах Газа. Добывали ручные гранаты и бутылки с противотанковой жидкостью. На фотографии тех дней видно, какими мы были странными солдатами. У него гранаты припояны к ремню, а кто несет их просто в руке, а винтовки разные — со штыками и без; мастера, инженеры, карусельщики, сталевары, счетоводы — война переставала профессией и должностью, предвзвешенной и должностным качеством. Кировцы оплачивали его со всей щедростью.

Перед отправлением в школу мы зашли выпить пива у Нарвской заставы — члены комитета комсомола: один встал с нами, другие уходили в некоторые так и не опустившись с завода. Мы утешали их, как могли.

В первый же боковой асено, кто воевал, мы не умели, не умели оккупации, выбирать позицию, поддерживать связь, но зато стало ясно и другое — мужество кировцев.

Мы не очень-то думали о традициях, но когда приходилось особенно тяжело, сознание того, что мы путиловцы, мы пролетариат, помогало. Так было на всем долгом, горестном пути отступления дивизии народного ополчения от станции Батюшки и до Пушкина. Немцы называли нас «синевашинами» — у нас почему-то были форменные синие шинели.

Сколько пошло из этом пути лучших коммунистов, комсомольцев, лучших сынов народа! А «за» далеко, за Нарвской заставой (парень идет молодой) — как пелась песенка тех лет — из той же проколотой снова и снова ушли на войну комсомольцы. Саша Рогачев из турбинки, Гриша Любимов из МХ-7, Оля Волкова. Уходили в танковые войска, в партизаны, на флот, и выпускали танки, посылали на фронт пушки, и эвакуировались в Челябинск, и развешивали там танковые производственные. Оди за другим уходили на фронт секретари комитета комсомола: Ваня Перов, Ваня Соколов, Степан Смирнов, Витя Шукшис. В ноябре я как-то зашел на завод — в комитете уже были совсем новые, мало знакомые ребята.

(Окончание на 2-й стр.)

менности. Созданы поэмы, привлекающие внимание масштабностью изображения жизни, глубиной, эмоциональным своеобразием характеров. Стал духовно богаче, ярче образ лирического героя, отчетливо обозначился его гражданский облик. С похвалой отзывались выступавшие о творчестве А. Кекелова, Ч. Аширова, Д. Халдура, Т. Зеновой, К. Сейтакова, К. Курбаналиева, А. Новикова и многих других. Все реже, с радостью подчеркивал А. Атаджанов, встречаем мы в стихах парадность, худолитность, риторичность. В туркменской поэзии появилось много новых имен. Голос молодых звучит все увереннее и тверже, их творческие интересы все больше связываются с современностью. Те, кто еще три-четыре года назад писал почти исключительно традиционную любовную лирику, берутся за большие темы Родины, человеческого счастья, труда.

О чем бы ни заходила речь на съезде — о тревожном положении, сложившемся в детской литературе (поэт К. Тангырбердыев), или об оставшихся драматургии и кинодраматургии (А. Карлиев, Г. Мухтаров), о работе переводчиков (С. Анасхапов) или о литературоведческой науке (Б. Карпыев), — все сходились на одном: жизнь не ждет, она требует от писателей новых тем, иной «пульсации» в работе нового идейно-художественного уровня творчества. Идеяльность художественного творчества.

НА ПОДЪЕМЕ

ЗАМЕТКИ С V СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИИ

должна, его прочные связи с народом, его участие в борьбе за построение коммунистического общества — эти темы были в центре внимания всех выступавших; они рассматривались в свете результатов XXIII съезда партии. В связи с этим большое место на съезде было уделено также критике. Нелицеприятная и деловая, строгая и доброжелательная критика может только направить литературный процесс, выдвинуть перед писателями новые, диктуемые временем задачи, может выявить заслуги противников новых, серьезных произведений, говорит в своем выступлении К. Тангырбердыев. У нас в критике есть определенные успехи, а последние годы появились «специалисты». Но все же еще преобладают «жар» пересказа содержания, поверхностные оценки; и то, и другое подменяет глубокое исследование идейно-художественных особенностей произведений, — так развешивает мысль К. Тангырбердыев в своей возмущенной речи поэта А. Омарова. В критических статьях у нас еще бытует односторонность, безадаптивная категоричность суждений, удумчивый анализ порой подменяется хлесткой фразой.

Подобная критика, конечно же, не может оказать писателям действительной, разумной помощи. Но помощь должна быть взаимной. Отдельные выступления на съезде показывали, что туркменской писательской организацией далеко не все еще сделано для налаживания нормальных взаимоотношений между писателями и критиками. Нельзя не согласиться с ораторами, которые утверждали, что общность писателей бывает иной раз чрезмерной. Так, Б. Сейтаков в разговоре о критике проявил ненужную нервозность, обвиняя способного критика А. Муратова в злом умысле и недоброжелательности. Да, необходимо оспаривать неверные, субъективистские оценки критики. Но ведь писатель, полемизирующий с критиком, должен понимать, что критик имеет право на свое мнение, и должен аргументировать собственные суждения, а не заменять их грубостью.

Почти все выступавшие о гражданской миссии писателя — помощника партии, сына многонационального советского народа.

Партия доверяла нам, писателям, один из важнейших участков идеологической работы, подчеркивал Берды Кербабаев, мы обязаны вести упорную повседневную борьбу за волю человека...

Для того чтобы рассказать читателям о новых значительных явлениях эпохи, нам, писателям, надо очень много знать, чувствовать дыхание времени. Жизнь, человек, героический труд — вот неисчерпаемый источник самых превосходных образов и тем. Освоить все это, писать о вечно движущейся современности трудно. Но в лучших традициях нашей литературы — дерзая, смелая, мыслительная полнота. Этому посвятил свое выступление А. Лупан.

Прямой долг туркменских литераторов — подхватить и достойно продолжить эти замечательные традиции. Наше время и наш народ заслуживают произведений самого высокого полета мысли, самого гуманистического социального идеала, самого совершенного художественного исполнения.

В. ПАНКИНА, А. АЛИМЖАНОВ,
специальные корреспонденты
«Литературной газеты»

АШХАБАД

ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Мультимиллиардер Поль Гатти — самый богатый человек в мире. Захлебываясь от восторга, буржуазная печать сообщает, что состояние его увеличилось внезапно на один миллион. Сам Гатти не любит останавливаться на таких мелочах. «Большая часть моего капитала вложена в различные предприятия. Поэтому я не могу точно сказать, как велико мое состояние, да мне это, по существу, и безразлично...» — скромно говорит он.

Но Гатти отличается не только скромностью, но и великодушием. На слона лет он решил поделить с человечеством секрет своего успеха. За чем унести эту тайну в могилу, пусть богатей и другие ему это теперь не так уж страшно. Он написал объемистую книгу «Как делать миллиарды» (274 стр.), в которой сообщает: «Двери американского клуба миллионеров ни для кого не закрыты». Оказываясь, стать миллионером может каждый, нужно для этого только две вещи — энергия и фантазия. Рецепт, как и все гениальное, предельно прост.

Только лентяи и люди безынициативные ссылаются на всякие «объективные трудности». Будете энергичны и инициативны, и вы сколотите себе состояние!

А затем вашей фантазии раскройте еще более широкие поля деятельности. В бульварной прессе Запада, смянувшей кинематографические измышления «высшего общества», вы сможете прочитать такие, например, сообщения:

«Генерал Тиссен подарил своей второй жене в день свадьбы небольшой островок вблизи Ямайки, черную пантеру и в том же черном жемчужном ожерелье».

«Генерал Занк... оборудовал себе самую дорогостоящую убогую в мире с системой зеркала и роскошной росписью стены и потолка, создающих полную иллюзию, будто находясь под открытым небом во дворе старинного замка».

Куда против них обитателям браменского «Огеля» для Ветона. Так называют в Европе расположенный под австрийским вокзалом ночлежку, а

ВИДЕЛ

землетрясения в Скопье: воспущенная ощерившаяся земля, трещины, завалы, руины, безумные, обостренные лица людей, поэзия Ашхабада через несколько лет после трагедии, уже сползающие, обостренные, с деталями рассказы очевидцев, рассказы, которые вдруг обрываются на полуслове: человек задумался, посмотрел на тебя невидящими глазами, что-то вспомнил, нечто такое, что знает только он и те, кто сам видел и пережил это, такое, что невозможно передать человеку, называющему себя поэтом, поэтостроителем, что оп, постононний, не похит при самом чутком и обостренном своем внимании.

Помню мальчика Халматова Калы, мы с ним встретились в Мерве у мавзолея Султана-Санджара. Это имя и фамилию дали ему незнакомые люди. Настоящий его, фамилии никто не знает. Он родился в Ашхабаде в 1948

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ И ЛЮДИ

Владимир АЛИМЖАНОВ

5.20, вторник — в ночь с 9 на 10 мая. Землетрясение напало на Ташкент.

Я прилетел в Ташкент через несколько дней после первого толчка и пробыл там две недели, в течение которых было множество подземных толчков разной силы, был ураган 5 мая, мощь которого достигла 29 метров в секунду, была почта с 9-го на 10-е, когда, вопреки прогнозам сейсмологов, обещавших угасание землетрясения, грянуло несколько ударов уже в более широком радиусе, чем 26-го, и сильнейший из них достиг 7 баллов... Затем была еще одна ночь, о которой рассказываю позднее, когда все ждали нового удара.

ра, еще более страшной разрушительной силы, толчка, которого не произошло... Земля, казалось, была символом добра и покоя, приобрела свойства разбухшегося океана. Недаром колыхания ее, как и морские штормы, оценивают сейчас баллами.

Теперь многое понятнее — мне понятно, почему люди, рассказывая о землетрясении, вдруг странно замолкали, с удивлением и печалью смотря на незнакомого человека. К счастью, в Ташкенте не было ни того, что в Ашхабаде, ни того, что в Скопье, и все-таки пережито было немало, и людям Ташкента выпали серьезные, большие тяготы, и боль, и страх, а иногда и горе.

И все-таки люди — люди... проявили себя с лучшей стороны. А впрочем, неуместно здесь это казенное сочетание слов: «с лучшей стороны». Скажем так: люди проявили себя по-человечески, так, как и подобает людям в беде. Наши люди были мужественны, и они не думали только о себе.

Землетрясение и люди. Об этом говорил мне первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Шафар Рашидов. Он сидел, что полускрыв глаза, поблудевший от бессонницы, полный тех самых забот, что больше забот самих и самого крупного предприятия, что включают в себя множество самых разных и острейших нужд, потребностей, желаний пострадавшего народа и что зовется государственными заботами.

(Окончание на 2-й стр.)

